

Родительское выгорание: что это и почему об этом важно знать?

М. Миколайчик, Дж. Гросс, И. Роскам
Университет Левена, Бельгия; Университет Стенфорда, США

Опубликовано в журнале *Clinical Psychological Science* в апреле 2019 года
DOI: 10.1177/2167702619858430

Аннотация

Родительство может приносить радость, а может стать источником стресса. Когда родителям не хватает ресурсов или навыков, чтобы справиться с напряжением, у них могут появиться симптомы *родительского выгорания*. Это состояние характеризуется сильной усталостью по отношению к родительской роли, эмоциональным дистанцированием от ребёнка и чувством родительской неэффективности.

Исследователи уже приступили к описанию предпосылок родительского выгорания, но о последствиях данного состояния известно ещё очень немного. В этой статье мы исследуем влияние родительского выгорания на эскапизм (уход от неприятной реальности), пренебрежение нуждами детей и жестокое обращение с детьми. Мы провели два перекрестных лонгитюдных исследования с участием 918 и 822 людей соответственно. Исследование включало в себя прохождение трех онлайн-опросов на протяжении одного года. Результаты показали, что родительское выгорание существенно усиливает склонность к эскапизму, родители чаще начинают пренебрегать своими обязанностями и проявляют склонность к насилию по отношению к детям (агрегированная d Коэна = 1,31; 1,25 и 1,25 соответственно). Эти результаты показывают, что родительское выгорание — это серьезное состояние, требующее пристального внимания.

Ключевые слова: родитель, истощение, ребенок, пренебрежение, насилие, ненадлежащее обращение с детьми

Перевод:

Алексей Комаров,

Елена Иванова

Редактура:

Татьяна Стяжкина

Перевод выполнен по заказу Благотворительного фонда в поддержку материнства "Быть мамой". БФ "Быть мамой" не является заказчиком оригинального исследования и не связан с его авторами.

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Родительское выгорание: что это и почему об этом важно знать?

«Это факт, что процесс воспитания ребенка - долгий, тяжелый труд, награда за который не всегда очевидна сразу. Это труд, который недооценен, и родители нуждаются в человеческом отношении и поддержке, как и их дети».
Беджамин Спок (1945, стр. 5)

Как правило, люди предполагают, что их родительство будет приносить радость (Feldman & Nash, 1984). И это не удивительно, учитывая то, как внимание общества акцентируют на его преимуществах (Eibach & Mock 2012; Hansen, 2012), среди которых появление смысла жизни (Nelson, Kushlev, English, Dunn, & Lyubomirsky, 2013), положительные эмоции (Nelson et al., 2013) и социальная интеграция (Nomaguchi & Milkie, 2003). Однако, для многих, родительство – непростое испытание (Hansen, 2012; Kahneman, Krueger, Schkade, Schwarz & Stone, 2004). На самом деле, оно может стать одним из самых тяжелых испытаний в жизни. С самого рождения ребенка родители могут находиться в состоянии огромного стресса (Crnic & Low, 2002; Deater-Deckard, 2008). Сам факт того, что вы являетесь родителем, ставит вас перед рядом проблем: повседневных (домашние заботы, посещение детского сада или школы), внезапных (эмоциональные вспышки, конфликты со сверстниками), и даже постоянных (поведенческие проблемы и проблемы со здоровьем). Если родителям хронически не хватает ресурсов справиться с проблемами, связанными с детьми, они попадают в зону риска развития родительского выгорания (Mikolajczak & Roskam, 2018).

Что такое родительское выгорание?

Родительское выгорание – это состояние сильного истощения, по отношению к родительской роли, при котором родитель эмоционально отстраняется от ребенка и начинает сомневаться в своей способности быть хорошим родителем (Roskam, Raes & Mikolajczak, 2017). Родители чувствуют себя настолько истощенными из-за необходимости выполнять родительские обязанности, что одна только мысль о том, что у них есть ребенок, рождает ощущение предела возможностей. В результате родитель эмоционально дистанцируется от ребенка: уменьшается вовлеченность в отношения с ним, взаимодействия ограничиваются функциональным/инструментальным аспектом и ослабевает эмоциональный аспект отношений. Родители больше не чувствуют, что они хорошие родители и теряют удовольствие от нахождения с детьми (Hubert & Aujoulat, 2018; Roskam, Brianda & Mikolajczak, 2018). По самым скромным оценкам (5%; Roskam et al., 2018), по крайней мере 3,5 миллиона семей в США страдают от родительского выгорания.

Важно отметить, что родительское выгорание – это не обычный родительский стресс (Lebert-Charron, Forward, Boujut & England, 2018; Kawamoto, Furutani, Alimardani, 2018; Roskam et al., 2017; Van Bakker, Van Engen & Peters, 2018). Это длительная реакция на хронический и непреодолимый стресс (Mikolajczak & Roskam, 2018). Это не профессиональное выгорание: корреляции между ними малы или умеренны (Kawamoto et al., 2018; Roskam et al., 2017; Van Bakker et al., 2018); родитель может быть истощен работой, но не детьми, и наоборот. На сегодняшний день исследования родительского выгорания сосредоточены на понимании того, что делает родителей уязвимыми к этому состоянию. Исследователи обнаружили, что родители находятся в наибольшей опасности, когда они (1) стремятся быть идеальными родителями (Kawamoto et al., 2018), (2) являются невротиками или испытывают трудности с управлением эмоциями (Lebert-Charron et al., 2018; LeVigouroux-Nicolas, Scola, Raes, Mikolajczak & Roskam, 2017; Mikolajczak, Raes, Avalosse & Roskam, 2018), (3) не имеют достаточной эмоциональной и физической поддержки со стороны второго родителя (Lindström, Aman & Lindahl Norberg, 2011; Mikolajczak, Raes et al., 2018) или ближайшего окружения (Séjourné, Sanchez-Rodriguez, Leboullenger, & Callahan, 2018), (4) используют неэффективные методы воспитания детей (Mikolajczak, Raes et al., 2018), (5) имеют детей с особыми потребностями (Gérain & Zech, 2018; Lindahl Norberg, 2007; Lindström, Aman, Lindahl Norberg, 2010), (6) работают неполный рабочий день или находятся в декрете (Lebert-Charron et al., 2018; Mehauzen & Piroux, 2018).

Каковы последствия родительского выгорания?

Последствия родительского выгорания описаны в меньшей степени чем предпосылки данного состояния. При профессиональном выгорании истощение приводит к негативным последствиям как для работника, так и для

компании. Выгорание на работе ухудшает психическое и физическое здоровье (Shirom, Melamed, Toker, Berliner, & Shapiro, 2005), снижает уровень производительности (Taris, 2006) и значительно усиливает желание сменить род деятельности (Alarcon, 2011).

Говоря о родительском выгорании, важно понимать, что оно может иметь последствия как для родителей, так и для семьи. По результатам межсекторальных исследований известно, что родительское выгорание, как и профессиональное, приводит к появлению депрессивных симптомов, развитию аддиктивного поведения, нарушению сна и к конфликтам внутри семьи (Kawamoto et al., 2018; Mikolajczak, Brianda et al., 2018, Van Bakkel et al., 2018). Родительское выгорание, в отличие от выгорания на работе, сильнее связано с тремя тенденциями: эскапизм (побег из семьи или попытки суицида), пренебрежение нуждами детей и проявление насилия. Напрашивается вывод, что эскапизм, родительское пренебрежение и насилие по отношению к детям являются последствием родительского выгорания, однако направленность причинно-следственной связи остается неизвестной. Возможна обратная связь, как возможны и третьи переменные (например, родительское выгорание и его последствия могли появиться в результате одной общей причины, такой как невротизм). Без эксперимента или перекрестных лонгитюдных исследований невозможно утверждать, усиливает ли родительское выгорание последствия или связь обратна. Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы ответить на этот вопрос.

Исследование

Наша работа основывается на два перекрестных лонгитюдных исследования и направлена на выявление связи между родительским выгоранием и усилением эскапизма, родительского пренебрежения и родительского насилия. Мы ожидали, что родительское выгорание усиливает **стремление к эскапизму**, поскольку тенденция к побегу или к уходу от стрессовых ситуаций является одной из основных реакций на стресс: чем выше угроза, тем выше мотивация к бегству (Blanchard, Hynd, Minke, Minemoto, & Blanchard, 2001). Однако, в отличие от выгоревших на работе сотрудников, выгоревшие родители не могут уволиться или уйти на больничный от своих детей. Это может подтолкнуть их к мыслям о более экстремальных решениях, таких как уход из семьи или самоубийство. Мы ожидали, что родительское выгорание усиливает **пренебрежение нуждами детей**, поскольку истощенные родители, как правило, стремятся сохранить энергию, которая у них ещё осталась (Conservation of Resource theory; Hobfoll, 1989), а забота о ребенке требует гораздо больше того, что у них есть. Также вероятно, что из-за истощения и эмоциональной отстраненности выгоревшим родителям не хватает эмпатии (Wilkinson, Whittington, Perry & Eames, 2017), соответственно, они не могут с чуткостью относиться к потребностям детей. И наконец, мы ожидали, что родительское выгорание усиливает склонность к **жестокости обращению с детьми**, поскольку биологически стресс подпитывает эмоцию гнева (Moons, Eisenberger & Taylor, 2010), а эмоциональное и физическое истощение может ограничивать ресурсы, используемые для подавления насильственного поведения (Krabbe, Ellbin, Nilsson, Jonsdottir & Samuelsson, 2017).

Два исследования, представленные в этой статье, являются перекрестными лонгитюдными исследованиями. Исследование 1 проводилось на франкоязычной выборке в три потока с интервалом в 5,5 месяцев. Исследование было специально спроектировано для изучения последствий родительского выгорания. Исследование 2 проводилось на англоязычной выборке в три волны с интервалом в 4,5 месяца. Оно было запущено одновременно с исследованием 1 и предназначалось для изучения общих и специфических эффектов родительского выгорания и выгорания на работе. В нашей работе мы использовали данные исследования 2, относящиеся к последствиям родительского выгорания, чтобы проверить надежность выводов исследования 1. Оба исследования были одобрены Институциональным Наблюдательным Советом. Все данные доступны на открытой научной платформе (<https://osf.io/bvjny/>).

Исследование 1:

Родительское выгорание в контексте франкоязычной культуры

Участники:

Участникам сообщили об опросе через социальные сети, веб-сайты, школы, педиатров или сарафанное радио. Чтобы избежать предвзятого (само-)отбора, участники не были проинформированы о том, что исследование посвящено родительскому выгоранию. Опрос был представлен как исследование «родительского благополучия и истощения». К участию в опросе допускались родители с (по крайней мере) одним ребенком, все еще живущим дома. Дав согласие на участие в исследовании, родители проходили онлайн-опрос на Qualtrics.

Отказаться от участия в исследовании можно было в любой момент. Участников также заверили к анонимности (идентификация проходила по персональным кодам). Участники, заполнившие анкету (см. раздел «Расчеты» ниже), имели возможность принять участие в лотерее с шансом выиграть 300 евро, проживание в отеле, а также билеты в парк развлечений или оздоровительный центр. Участники, желающие принять участие в лотерее, должны были предоставить свой адрес электронной почты. Участники каждого потока могли оставить адрес электронной почты в случае, если они были согласны принять участие в следующем потоке опроса. Электронная процедура была организована таким образом, что электронные адреса участников автоматически отвязывались от анкет и хранились отдельно в двух зашифрованных списках: один список для участников лотереи, второй список для повторного участия в следующих опросах.

В первом потоке (Т1) насчитывалось 2608 родителей (78,8% женщин). Возраст женщин варьировался от 22 до 64 (среднее значение 39,38; стандартное отклонение 7,13), мужской возраст варьировался от 27 до 69 (среднее значение 43,02; стандартное отклонение 9,49). Большая часть участников проживала в Бельгии (96,9%), меньшая часть в остальных франкоязычных европейских странах (2,3%) и оставшиеся 0,8% были из государств, не расположенных в Европе, но имеющих французский является в качестве государственного. В целом у участников было от 1 до 7 детей, живущих дома, в возрасте от 0 до 35 лет (среднее значение 8,96; стандартное отклонение 6,81). Выборка была относительно репрезентативной: 14,1% участников имели среднее образование, 37,6% - степень бакалавра, 36,5% - степень магистра и 11,8% - научную степень; 20,4% имели чистый ежемесячный доход ниже 2 500 евро, 44,4% - от 2 500 до 4 000 евро, 25,1% - от 4 000 до 5 500 евро и 10,1% - выше 5 500 евро.

Во втором потоке (Т2) (5,5 месяцев спустя) анкеты заполнили 908 родителей (80,6% женщин). В третьем потоке (Т3) (5,5 месяцев спустя) анкеты заполнили 557 родителей (82,8% женщин). Для анализа отказа родителей от участия в последующих потоках была проведена дополнительная работа (см. раздел «Анализ и результаты»).

Методы

Опросы, представленные ниже, использовались во всех потоках. Настройки в Qualtrics были выполнены таким образом, что все ответы были обязательны – вопросы не могли иметь пустой ответ. Средние значения, стандартное отклонение и надежность занесены в таблицу 1. За исключением показателей родительского насилия в Т1 и 3, где надежность была немного ниже 0,7, все расчеты имеют степень надежности от хорошей до отличной.

Социо-демографический блок. Участникам задавались вопросы об их возрасте, поле, количестве детей (плюс возраст каждого ребенка и информация о том, живет ли он еще дома), семейном положении, уровне образования, чистом доходе семьи и месте работы.

Родительское выгорание. Это состояние было оценено при помощи опроса родительского выгорания (Roskam, Raes & Mikolajczak, 2017), состоящего из 22 вопросов, разделенных на 3 блока: эмоциональное истощение (8 вопросов) (например, *я чувствую, что родительская роль меня истощает*), эмоциональная отстраненность (8 вопросов) (например, *я иногда чувствую, будто забочусь о детях на автопилоте; я не могу показать детям, как сильно их люблю*), и чувства неэффективности (6 вопросов) (например, *как родитель, я сделал много полезного; обратный подсчет*). Эти вопросы оценивались по той же 7-балльной шкале Лайкерта, что и оригинальный опрос (никогда, несколько раз в год или меньше, один раз в месяц или меньше, несколько раз в месяц, один раз в неделю, несколько раз в неделю, раз в неделю, каждый день). Общий балл вычисляется путем суммирования баллов после реверсирования коэффициента личных достижений таким образом, чтобы высокие баллы указывали на высокую степень выгорания.

Мысли о побеге. Данный конструкт оценивался с помощью опроса, специально сконструированного на основе признаний, озвученных родителями в состоянии выгорания (Mikolajczak, Brianda et al., 2018). Опрос состоит из шести вопросов (*я хочу изменить свою жизнь и быть не только родителем; я думаю о том, чтобы уйти из семьи; я угрожаю своей семье уходом; иногда я хочу все бросить и начать новую жизнь; иногда я хочу уйти, не оставив адреса; я думаю, что моя семья была бы счастливее, если бы я оставил её или исчез*) и оценивается по 8-балльной шкале (никогда, реже одного раза в месяц, примерно раз в месяц, несколько раз в месяц, раз в неделю, несколько раз в неделю, каждый день, несколько раз в день). Общий балл был получен путем суммирования баллов по вопросам.

Пренебрежение нуждами ребенка. Данный конструкт оценивался с помощью шкалы родительского пренебрежения (Brianda, Avalosse & Roskam, 2018), представленной 17 вопросами, измеряющими пренебрежение физическими (например, *я не забочусь о детях, хотя знаю, что должен [питание, гигиена, и т. д.]*), образовательными и воспитательными (например, *я не помогаю детям, когда им это действительно надо [домашняя работа, принятие решений, разрешение конфликтов и т. д.]*), и эмоциональными потребностями (например, *я не утешаю детей, когда им грустно, они расстроены или напуганы*). Вопросы оцениваются по 8-

балльной шкале (никогда, реже одного раза в месяц, примерно раз в месяц, несколько раз в месяц, раз в неделю, несколько раз в неделю, каждый день, несколько раз в день). Общий балл вырабатывается усредненным показателем по каждому из ответов.

Насилие со стороны родителей. Жестокое обращение с детьми оценивалось по шкале родительского насилия (Mikolajczak, Brianda et al., 2018) – опросником из 15 пунктов, измеряющих уровень вербального насилия (например, *я говорю детям то, о чем потом жалею [угрозы, оскорбления, нелепые прозвища и т. д.]*), физического насилия (например, *я могу отшлепать детей или дать им пощечину*), психического насилия (например, *я говорю детям, что откажусь от них, если они будут плохо себя вести*). Ответы оцениваются по 8-балльной шкале (никогда, реже одного раза в месяц, примерно раз в месяц, несколько раз в месяц, раз в неделю, несколько раз в неделю, каждый день, несколько раз в день). Общий балл вырабатывается усредненным показателем по каждому из ответов.

Социально-ожидаемые ответы. Для контроля социально-ожидаемых ответов использовалась краткая форма шкалы социальной желательности Марлоу-Крауна (Reynolds, 1982), состоящая из 12 пунктов, оцениваемых по шкале истинных и ложных ответов. Пункты представлены в следующем виде: *я всегда готов признать, что совершил ошибку*. Из 12 вопросов 7 перевернуты так, чтобы истинный ответ соответствовал высокой желательности. Например, пункт *я иногда чувствую себя обиженным, когда не получаю желаемого* реверсивен. Баллы 0 (нежелательность) – 1 (желательность) суммируются по всем 12 пунктам.

Статистический анализ

Предварительный анализ. Сначала мы проанализировали отсутствие участников в потоках опросов. Как и в большинстве лонгитюдных исследований, истощение произошло из-за постепенного отсева участников, невозможности найти новых или прерывания опроса без завершения. Мы изучили недостающие значения с помощью логистической регрессии. Потенциальные предикторы отсутствия в T1 (например, пол, возраст, количество детей, уровень образования, родительское выгорание, эскапизм, пренебрежение нуждами детей и родительское насилие) были введены в модель логистической регрессии с бинарным коэффициентом второго и третьего потоков в качестве зависимой переменной.

Основной анализ статистических данных. Для изучения связей между родительским выгоранием с одной стороны и эскапизмом, пренебрежением нуждами детей и родительским насилием с другой стороны, мы провели кросс-лаговый панельный анализ (с использованием Stata 15) и измерили стабильность и связи между переменными во времени. Мы протестировали транзакционную модель, включающую двунаправленные и рекурсивные отношения между наблюдаемым родительским выгоранием, эскапизмом, пренебрежением нуждами детей и родительским насилием в трех случаях измерения, а также авторегрессионные пути и поперечные корреляции. Чтобы сохранить большую статистическую мощь, в качестве метода оценки мы использовали метод максимального правдоподобия с отсутствующими данными, который использует имеющиеся данные для вычисления оценок параметров модели (Асоок, 2013). Асимметрия и коэффициент эксцесса указывают на то, что родительское выгорание, эскапизм, пренебрежение нуждами детей и родительское насилие демонстрируют некоторые отклонения от нормы. С концептуальной точки зрения эти отклонения имели смысл: наблюдаемые переменные не должны были нормально распределяться в популяции. Оценка максимального правдоподобия, используемая в настоящем исследовании, является достаточно надежной даже при некотором нарушении нормальности (Асоок, 2013). Оценка соответствия моделей проводилась на основе выведенной статистики добротности соответствия (χ^2) и трех других индексов: сравнительного индекса соответствия (CFI), индекса Такера-Льюиса (TLI) и среднеквадратичной ошибки аппроксимации (RMSEA). Значения, близкие к 0,90 или превышающие его, желательны для CFI и TLI, в то время как значение RMSEA должно быть меньше 0,08 или равно ему.

Сравнение вложенных моделей проводилось в два этапа. На шаге 1 тестировалась базовая модель, в которой разрешалась корреляция родительского выгорания и трех возможных последствий, авторегрессионные пути были нарисованы, предоставляя информацию об относительной стабильности конструкторов в трех временных точках, а корреляции в нарушениях измерений допускались для обеспечения оценки авторегрессионных путей путем контроля их временной дисперсии (Cole & Maxwell, 2003). На шаге 2 перекрестные коэффициенты, то есть коэффициенты, связывающие родительское выгорание с его возможными последствиями, а переменные с родительским выгоранием, были добавлены в базовую модель и протестированы. Сравнение между двумя моделями проводилось с использованием разницы в статистике χ^2 . Наконец, модель была перезапущена, включая социальную желательность, чтобы увидеть, будут ли выводы верны при частичном исключении социальной желательности. В частности, социальная желательность в T1, 2 и 3 была введена в модель SEM; мы контролировали авторегрессионные пути (т. е. социальная_желательность_T1 к

социальной желательности Т2 к социальной желательности Т3) и ковариации между социальной желательностью, с одной стороны, и родительским выгоранием, эскапизмом, родительским пренебрежением и родительским насилием, с другой стороны, в каждом из трех потоков.

Чтобы количественно оценить степень влияния родительского выгорания на каждый результат в каждый момент времени, мы вычислили двумерные корреляции. Действительно, кросс-лаговые коэффициенты не являются лучшими индикаторами размера эффекта, поскольку в модели они контролируют стабильность и другие переменные. Поэтому простые двумерные корреляции дают более надежную оценку величины влияния родительского выгорания на каждое последствие по отдельности (Hunter & Schmidt, 2004).

Результаты

Предварительный анализ. Мы обнаружили дифференциальную убыль по подгруппам. В частности, участники, выбывшие в период с Т1 по Т2, были немного старше ($B(1) = -0,08$, $p < 0,001$) и набрали немного больше баллов по эскапизму ($B(1) = -0,05$, $p < 0,05$). Кроме того, больше женщин (38,6%), чем мужчин (33,7%) выбыло в период с Т1 по Т2 ($B(1) = 0,91$, $p < 0,01$). Участники, выбывшие в период с Т2 по Т3, были немного старше ($B(1) = -0,02$, $p < 0,05$) и менее образованны ($B(1) = 0,26$, $p < 0,05$) (см. дополнительную таблицу 1 для средних значений и стандартного отклонения этих переменных отдельно для участников выбывших и оставшихся). Различий по показателю родительского выгорания между теми, кто выбыл из исследования и теми, кто в нем остался, не обнаружено. Однако картина выбывания не была случайной. Высокий риск заключался в том, что выбывание могло сократить вероятность обнаружения существенного влияния на какие-то из последствий, поскольку те, кто выбыл из исследования, набрали высокие баллы. Но при обнаружении влияния, паттерн выбывания не влияет на интерпретацию результатов.

Основной анализ. Два этапа сравнения вложенной моделей подробно описаны ниже. Полученные результаты согласуются с представлением о том, что родительское выгорание усиливает стремление к эскапизму, пренебрежению нуждами ребенка и родительскому насилию, а не наоборот.

Базовая модель показала едва приемлемое соответствие данным: $\chi^2(40) = 393,35$, $p < 0,001$; CFI = .94; TLI = .91; RMSEA = .10 [.09-.11]. Высокие и значимые коэффициенты авторегрессии (β между 0,69 и 0,75, $p < 0,001$) показали, что родительское выгорание, мысли об уходе из семьи, пренебрежение нуждами ребенка и родительское насилие были относительно стабильны во времени. Поперечные ковариации показали когерентный паттерн положительных связей между родительским выгоранием, с одной стороны, и тремя последствиями в каждой из трех временных точек, с другой стороны. Характер поперечных связей между тремя возможными последствиями также был последовательным.

Кросс-лаговая панельная модель (Рис. 1) соответствовала данным лучше, чем базовая модель, $\Delta\chi^2(12) = 162,85$, $p < 0,001$; $\chi^2(28) = 230,50$, $p < 0,001$; CFI = .96; TLI = .92; RMSEA = .09 [.08 - .10]. Все 6 коэффициентов кросс-лагового пути от родительского выгорания до его последствий были значимыми (β между 0,11, $P < 0,05$ и 0,20, $P < 0,001$). В обратном направлении, то есть от последствий к родительскому выгоранию, значимыми (хотя и меньшими) были 3 коэффициента кросс-лагового пути. Они касались пренебрежения нуждами детей ($\beta = 0,08$, $p < 0,01$) и эскапизма ($\beta = 0,09$, $P < 0,001$) в Т1, и пренебрежение нуждами детей ($\beta = 0,07$, $P < 0,05$) в Т2.

Выводы справедливы при включении в модель социальной желательности. Социальная желательность была достаточно стабильной во времени (.69, $P < 0,001$, от Т1 к Т2; 0,71, $P < 0,001$, от Т2 до Т3). Социальная желательность ковариировалась с родительским выгоранием в Т1 (-0,26, $p < 0,001$), Т2 (-0,08, $p < 0,05$) и Т3 (-0,10, $p < 0,05$), с мыслями об уходе в Т1 (-0,18, $p < 0,001$), с пренебрежением нуждами детей в Т1 (-0,25, $P < 0,001$) и Т2 (-0,09, $P < 0,01$), а также с родительским насилием в Т1 (-0,30, $p < 0,001$), Т2 (-0,12, $P < 0,001$) и Т3 (-0,12, $P < 0,01$). Как и ожидалось, чем больше ответов было дано в соответствии с общественно-приемлемыми представлениями, тем ниже был показатель родительского выгорания, стремления к эскапизму, пренебрежения нуждами детей и родительского насилия.

Для уточнения анализа мы протестировали равенство стандартизированных коэффициентов с помощью пост-оценки χ^2 чтобы проверить, существенно ли отличаются двунаправленные пути друг от друга. Например, если коэффициент пути, связывающий пренебрежение нуждами детей в Т1 с родительским выгоранием в Т2 был значительно слабее, чем коэффициент пути, связывающий родительское выгорание в Т1 с пренебрежением нуждами детей в Т2, то мы можем предположить, что пренебрежение было скорее следствием родительского выгорания, чем наоборот. Мы использовали инструменты пост-оценки для SEM в Stata для проверки стандартизированных коэффициентов пути. Сравняя два пути с помощью критерия хи-квадрат, подход позволил нам утверждать, что влияние одной переменной на другую было значительно сильнее или слабее, чем влияние между двумя другими переменными или между теми же переменными в разные моменты времени. Пост-

оценочные тесты показали, что родительское насилие явно было следствием родительского выгорания, а не его предпосылкой, $\chi^2(1) = 5,82, P < 0,05$. Различие не достигло большого значения и для эскапизма. Наконец, родительское выгорание и пренебрежение нуждами детей имело циклические эффекты (родительское выгорание усиливает пренебрежение нуждами детей, которое, в свою очередь, усиливает родительское выгорание и т. д.). Мы также изучили общее влияние родительского выгорания на тенденцию к эскапизму, пренебрежению нуждами детей и родительскому насилию. Как показано в таблице 2, родительское выгорание имело значительные связи с эскапизмом, а также с пренебрежением нуждами детей и родительским насилием во все моменты времени.

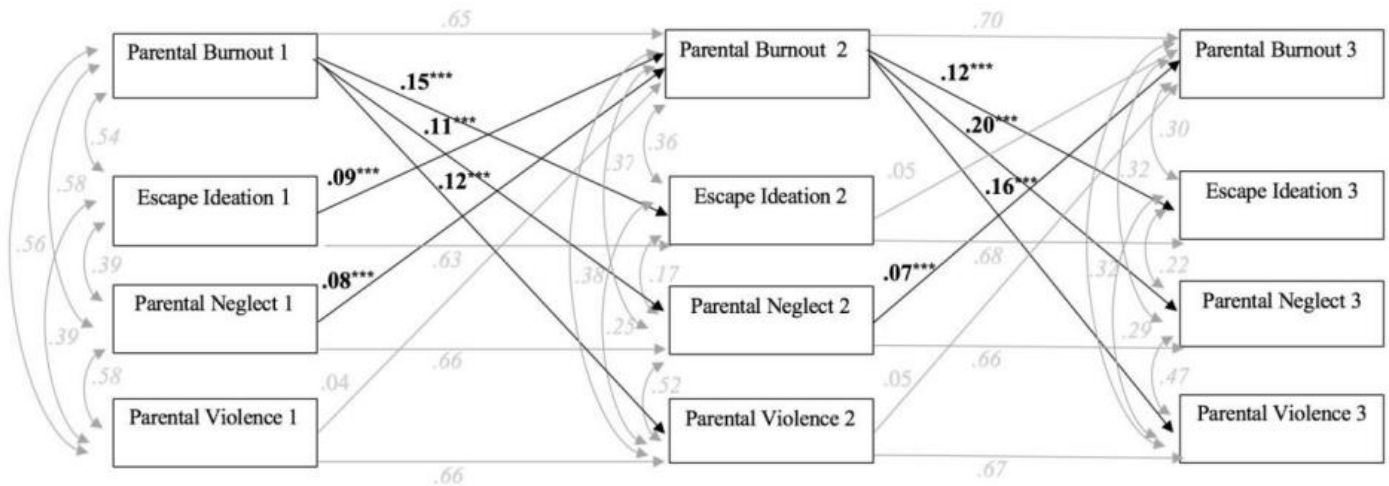

Рисунок 1. Исследование 1. Полная модель перекрестного запаздывания. Индексы соответствия модели: $\chi^2(29) = 271,29, p < 0,001$; CFI = 0,96; TLI = 0,91; RMSEA = 0,09 [0,08-0,10]. Авторегрессионные пути и ковариации выделены серым курсивом; все коэффициенты значимы при $p < 0,001$. Значительные перекрестные пути выделены жирным шрифтом. Несущественные перекрестные запаздывающие пути выделены серым цветом.

- Parental burnout – Родительское выгорание
- Escape ideation – Мысли о побеге
- Parental neglect – Пренебрежение нуждами детей
- Parental violence – Родительское насилие

Исследование 2: Родительское выгорание в культурном контексте англоязычной культуры

Участники:

Участники были набраны через Prolific (<https://www.prolific.ac>), предметно-рекрутинговую платформу, созданную в Кембридже (Великобритания). Prolific объединяет исследователей и участников исследований по всему миру и в настоящее время используется большинством ведущих университетов, поскольку позволяет быстро, надежно и качественно собирать данные. Исследователи могут создать объявление об исследовании и определить критерии отбора, гарантирующие, что в нем могут участвовать только люди с определенными характеристиками (например, только те, чей родной язык английский, кто работает и имеет детей). Чтобы избежать предвзятого (само-)отбора, участникам не сообщили, что исследование посвящено выгоранию. Его представили как изучение уровня «удовлетворенности и истощения в профессиональной и семейной жизни». К участию в исследовании допускались лица, имеющие работу и хотя бы одного ребенка. Участники, которые соответствовали критериям предварительного отбора, были приглашены через Prolific для анонимного завершения онлайн-опроса на Qualtrics (сопоставление по времени проводилось с использованием Prolific ID). Участникам, заполнившим анкету, было выплачено 3 фунта стерлингов. Та же сумма выплачивалась на каждом следующем этапе прохождения опроса. Поскольку оплата на Prolific зависит от продолжительности исследования, использовались укороченные версии опросов. В связи с тем, что за участие назначалась выплата, мы ввели три контрольные проверки внимания. В анализе учитывались только те участники, которые правильно ответили на все три вопроса.

В T1 822 англоговорящих родителя (59,2% женщин) завершили исследование. Возраст женщин

колебался от 20 до 63 лет (среднее значение 38,68; стандартное отклонение 8,44), а мужской возраст – от 21 до 62 лет (среднее значение 38,02; стандартное отклонение 7,20). Большинство из участников были выходцами из Великобритании (55,7%), вторая по величине часть из других англоязычных стран (31,8%), а остальные 12,5% - из других стран. Всего у участников было от 1 до 6 детей. Выборка была относительно репрезентативной: 38,3% участников имели среднее образование, 43,6% - степень бакалавра, 15,2% - степень магистра, 2,9% имели научную степень. В T2 (4,5 месяца спустя) 530 родителей (57,4% женщин) заполнили анкеты до конца. В T3 (еще 4,5 месяца спустя, то есть через 9 месяцев после начала исследования), 494 родителя (56% женщин) ответили на все вопросы. Для изучения характера отсева был проведен анализ пропусков этапов исследования (см. раздел «Анализ и результаты»).

Методы. В дополнение к социально-демографическим вопросам во все периоды измерений включались следующие вопросы. Настройки в Qualtrics были выполнены таким образом, что все ответы были обязательны – вопросы не могли иметь пустой ответ. Средние значения, стандартное отклонение и надежность занесены в таблицу 1. Все рассчитанные данные имели хорошую и отличную надежность. Родительское выгорание оценивалось с помощью опроса родительского выгорания (PBI; Roskam, Raes & Mikolajczak, 2017), описанного в исследовании 1.

Эскапизм оценивался по следующим трем пунктам: *я хочу все бросить и уехать, не оставив нового адреса; я хочу все бросить и начать новую жизнь; у меня есть суицидальные мысли.* Общая оценка была получена путем суммирования баллов за вопросы.

Пренебрежение нуждами детей измерялось с помощью сокращенной трехэлементной версии шкалы родительского пренебрежения (Mikolajczak, Brianda et al., 2018), используемой в Исследовании 1. Вопросы касались пренебрежения физическими (*я не забочусь о детях, хотя знаю, что должен [питание, гигиена, и т. д.]*), образовательными и воспитательными (например, *я не помогаю детям, когда им это действительно надо [домашняя работа, принятие решений, разрешение конфликтов и т. д.]*), и эмоциональными потребностями (например, *я не утешаю детей, когда им грустно, страшно, они расстроены или напуганы*). Общий балл вырабатывается усредненным показателем по каждому из ответов.

Насилие со стороны родителей. Жестокое обращение с детьми оценивалось по сокращенной 3х-элементной шкале родительского насилия (Mikolajczak, Brianda et al., 2018), используемой в исследовании 1. Вопросы касались вербального насилия (*я говорю детям то, о чем потом жалею [угрозы, оскорбления, нелепые прозвища и т. д.]*), физического насилия (*я могу отшлепать детей или дать им пощечину*), психического насилия (*я говорю детям, что откажусь от них, если они будут плохо себя вести*). Общий балл вырабатывается усредненным показателем по каждому из ответов.

Статистический анализ.

Предварительный и основной статистические анализы проводились так же, как и в исследовании 1.

Результаты

Предварительный анализ. Мы обнаружили дифференциальную убыль по подгруппам. В частности, участники, выбывшие в период с T1 по T2, были немного моложе ($B(1) = 0,05$, $p < 0,001$) и набрали более высокие баллы по пренебрежению нуждами детей ($B(1) = -0,35$, $p < 0,001$). Кроме того, выбывшие в период с T2 по T3, были немного моложе ($B(1) = 0,04$, $p < 0,001$), и имели больше детей ($B(1) = -0,15$, $p < 0,05$) (см. дополнительную таблицу 1 для средних значений и стандартного отклонения этих переменных отдельно для участников выбывших и оставшихся). Кроме того, больше женщин (23,5%), чем мужчин (16,7%) выбыло из группы в период с T1 по T2 ($B(1) = 0,33$, $p < 0,05$). Различий по показателю родительского выгорания между теми, кто выбыл из исследования и теми, кто в нем остался, не обнаружено. Общая картина выбывания не была случайной. Высокий риск заключался в том, что выбывание могло сократить вероятность обнаружения существенного влияния на какие-то из последствий, поскольку те, кто выбыл из исследования, набрали высокие баллы. Но при обнаружении влияния, паттерн выбывания не влияет на интерпретацию результатов.

Основной анализ. Два этапа сравнения вложенной моделей подробно описаны ниже. Как и в исследовании 1, полученные результаты согласуются с представлением о том, что родительское выгорание усиливает стремление к эскапизму, пренебрежению нуждами ребенка и родительскому насилию, а не наоборот.

Базовая модель показала едва приемлемое соответствие данным: $\chi^2(40) = 317,77$, $p < 0,001$; CFI = 0,91; TLI = 0,87; RMSEA = 0,09 [0,08-0,10]. Кросс-лаговая панельная модель (рис.2) соответствовала данным лучше, чем базовая модель, $\Delta\chi^2(12) = 128,31$, $p < 0,001$; $\chi^2(78) = 189,46$, $p < 0,001$; CFI = 0,95; TLI = 0,89; RMSEA = 0,08 [0,07-0,09].

Мы также изучили общий уровень воздействия родительского выгорания на мысли об уходе, пренебрежение нуждами ребенка и родительское насилие. Как показано в таблице 2, родительское выгорание в значительной степени связано с усилением эскапизма, пренебрежением нуждами детей и родительскому насилию во всех временных точках.

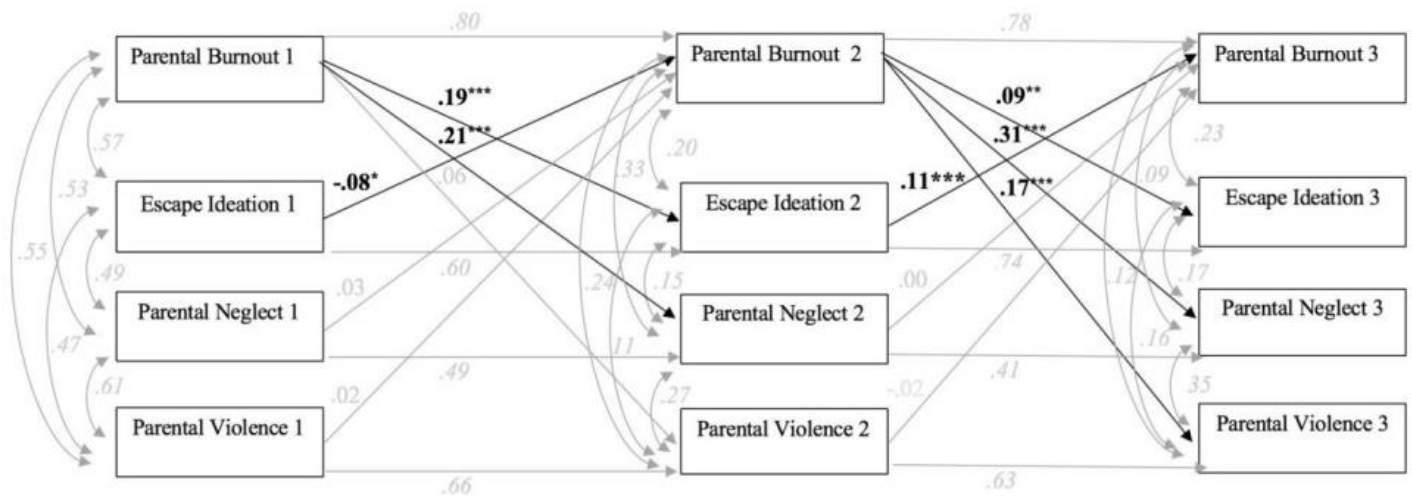

Рисунок 2. Исследование 2. Полная модель перекрестного запаздывания. Индексы соответствия модели: $\chi^2(78) = 189,46, p < 0,001; CFI = 0,95; TLI = 0,89; RMSEA = 0,08 [0,07-0,09]$. Авторегрессионные пути и ковариации выделены серым курсивом; все коэффициенты значимы при $p < 0,001$ (за исключением Родительского насилия2*Эскапизма2 и Родительского выгорания3*Родительского насилия3, которые значимы при $p < 0,05$, и Родительского выгорания3*Пренебрежения нуждами детей3, которые не существенны). Значительные кросс-лаговые пути выделены жирным шрифтом. Несущественные кросс-лаговые пути выделены серым цветом.

- Parental burnout – Родительское выгорание
- Escape ideation – Мысли о побеге
- Parental neglect – Пренебрежение нуждами детей
- Parental violence – Родительское насилие

Выводы

Когда Диккенс писал, что «Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время» (1859, С.1), он описывал родительский опыт. Родительство может быть прекрасным, значимым, полезным опытом, когда у родителей есть достаточно ресурсов, чтобы справиться с родительским стрессом (Nelson, 2013). Но, как показывают современные исследования, когда источники стресса преобладают над доступными ресурсами, ситуация может иметь очень разрушительные последствия не только для родителей (с точки зрения идеи эскапизма, включающей мысли о побеге или самоубийстве), но и для детей (с точки зрения пренебрежения их нуждами и насилия). Последствия для детей представляют особый интерес не только потому, что родительское выгорание является весьма распространенным состоянием, которое оказывает существенное влияние на воспитание детей (что не удивительно, учитывая, что сам процесс воспитания является причиной стресса для родителей), но и потому, что пренебрежение и насилие в долгосрочной перспективе имеют вредные последствия для детей (Norman, Vyambaa, De, Butchart, Scott & Vos, 2012).

Значение для науки и клинической практики

Представленные результаты имеют большое научное и практическое значение. На научном уровне наши результаты подчеркивают важность концептуального отличия родительского выгорания от профессионального: в то время как профессиональное выгорание оказывает незначительное влияние на пренебрежение нуждами детей и жестокое обращение с ними (см. Mikołajczak, Brianda et al., 2018), родительское выгорание оказывает большое влияние на эти аспекты. Наши выводы также представляют собой призыв к действию для исследователей в области клинической психологии: родительское выгорание требует повышенного внимания. Исследования находятся в зачаточном состоянии, и необходимы дополнительные исследования этиологических процессов

родительского выгорания на микро-, мезо- и макроуровнях (и взаимосвязи между ними) с целью разработки эффективных мероприятий по профилактике и лечению родительского выгорания. Наши результаты представляют интерес сразу для нескольких областей. (I) В психопатологии развития родительское выгорание может выступать значимым медиатором для обнаружения семей с высоким уровнем пренебрежительного отношения к детям и домашнего насилия по отношению к ним (Stith et al. 2009). (II) В клинической неврологии актуальны исследования возможных изменений в структурах мозга, влияющих на повышенное проявление насилия (Heatherton, Wagner, 2011). (III) В социальной работе следует найти подходящий способ поддержки семей, в которых пренебрежение нуждами ребенка происходит вследствие родительского выгорания. В этой же сфере следует рассмотреть более глубоко вопрос о родителях, ушедших из семьи без предупреждения, поскольку текущие результаты указывают на то, что часть родителей может отказаться от правовых обязательств в отношении детей из-за крайней степени родительского выгорания. (IV) В системе здравоохранения необходимо изучить влияние кампаний в сфере семьи способствующих появлению родительского выгорания, создавая каскад негативных последствий для родителей и их детей (Coyne, McDaniel & Stockdale, 2017).

На практическом уровне наши результаты показывают, что несмотря на то, что общественные нормы табуизируют усталость от родительских обязанностей (Hansen, 2012), о родительском выгорании следует говорить больше. Проведение просветительных кампаний позволило бы выгоревшим родителям обратиться за помощью (и получить её) на более раннем этапе, что снизило бы риск или частоту возникновения пагубных последствий как для родителей, так и для детей. Кроме родителей, должны быть проинформированы также специалисты служб здравоохранения и защиты детей. Это очень важно, поскольку позволит социальным работникам точно диагностировать родительское выгорание и оказывать родителям наиболее адекватную помощь. Помимо непосредственной помощи в кризисном периоде, необходимо также усилить профилактику родительского выгорания. Это может быть сделано путем усиления использования существующих «горячих линий» для родителей, а также путем предоставления родителям большего объема ресурсов для исполнения их родительских обязанностей. В более общем плане наши результаты показывают, что специалисты, работающие с детьми, пострадавшими от проявлений родительского выгорания, возможно, захотят более систематически рассматривать семью ребенка в целом. Первое может повлиять на второе, поэтому путем уменьшения стресса родителей, специалисты могут помочь уменьшить негативные последствия родительского выгорания и для детей.

Ограничения и направления будущих исследований

Текущие результаты являются надежными (большая величина эффекта, большие размеры выборки, репликация на две выборки разных культурных контекстов), но следует упомянуть несколько ограничений.

Первое ограничение связано с коэффициентом отсева во времени. Как и в большинстве лонгитюдных исследований, только часть участников (21% в исследовании 1, 60% в исследовании 2) завершили исследование во всех временных точках. Необходимы дополнительные исследования с более высоким уровнем удержания участников.

Вторым ограничением является очень малая доля отцов в исследовании 1 (всего 17% в T3). Гендерное распределение было более сбалансированным в исследовании 2 (44% отцов в T3), и результаты соответствовали результатам исследования 1. Однако размер выборки оказался недостаточным для проверки инвариантности модели по половым признакам. Необходимы исследования, которые на более глубоком уровне изучат возможные гендерные различия.

Третье ограничение заключается в том, что эти исследования основывались на сообщениях о собственных результатах. Наличие этих трех факторов дает нам уверенность, что выводы сделаны верно: (1) связь между родительским выгоранием и его последствиями имеют место при контроле социально-ожидаемых ответов; (2) глубинные интервью с родителями в состоянии выгорания подтверждают наличие суицидальных идей и желание покинуть семью (Hubert & Aujoulat, 2018) и (3) глубинные интервью с детьми родителей в состоянии выгорания подтверждают свидетельства родителей о пренебрежении нуждами детей и насилии по отношению к ним (du Pouget de Nadaillac, 2018). При этом одним из направлений исследований должно стать расширение текущего исследования за счет использования объективно оцениваемых результатов, которые минимизируют субъективное мнение респондентов. Эта задача является трудной в контексте нашего исследования, поскольку о родительском пренебрежении и насилии достаточно редко сообщают в полицию или другие государственные органы.

Четвертое ограничение состоит в том, что эти исследования не охватывали весь спектр возможных последствий родительского выгорания. Вероятно, существуют и другие последствия помимо тех, которые здесь исследованы. Мы сосредоточились здесь на тех последствиях, которые, по-видимому, больше всего отличают родительское выгорание от профессионального. Необходимы исследования для изучения других возможных

последствий родительского выгорания для родителей (например, ухудшение здоровья), для супружеской пары (например, развод) и для детей (например, трудности в обучении). Однако, основываясь на настоящих выводах, уже очевидно, что родительское выгорание – это состояние, которое заслуживает повышенного внимания.

Список литературы:

1. Acock, A.C. (2013). *Discovering structural equation modeling using Stata*. College Station, Texas: Stat Corp LP.
2. Alarcon, G. M. (2011). A meta-analysis of burnout with job demands, resources, and attitudes. *Journal of Vocational Behavior*, 79, 549-562.
3. Blanchard, D. C., Hynd, A. L., Minke, K. A., Minemoto, T., & Blanchard, R. J. (2001). Human defensive behaviors to threat scenarios show parallels to fear-and anxiety related defense patterns of non-human mammals. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 25, 761-770.
4. Cole, D. A., & Maxwell, S. E. (2003). Testing mediational models with longitudinal data: Questions and tips in the use of structural equation modeling. *Journal of Abnormal Psychology*, 112, 558-577.
5. Coyne, S. M., McDaniel, B. T., & Stockdale, L. A. (2017). "Do you dare to compare?" Associations between maternal social comparisons on social networking sites and parenting, mental health, and romantic relationship outcomes. *Computers in Human Behavior*, 70, 335-340.
6. Crnic, K., & Low, C. (2002). Everyday stresses and parenting. In M.H. Bornestein. *Handbook of Parenting Volume 5 Practical Issues in Parenting* (pp. 243-268). Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates.
7. Deater-Deckard, K. (2008). *Parenting stress*. New Haven, CT: Yale University Press.
8. Du Pouget de Nadaillac, L. (2018). Les effets du burn-out parental sur les enfants, recherche qualitative auprès d'enfants de 6-12 ans [Impact of parental burnout on children qualitative study on 6-12 year-old children]. Unpublished master thesis, UCLouvain, Louvain-la-Neuve, Belgium.
9. Eibach, R.P. & Mock, S.E. (2012). System justifying functions of myths that exaggerate the emotional rewards of parenthood. *Journal of Experimental Social Psychology*, 48, 1310-1315.
10. Feldman, S.S., Nash, S. (1984). The transition from expectancy to parenthood: Impact of the firstborn child on men and women. *Sex Roles*, 11, 61-78.
11. Gérain, P., & Zech, E. (2018). Does informal caregiving lead to parental burnout? Comparing parents having (or not) children with mental and physical issues. *Frontiers in Psychology*, 9.
12. Hansen, T. (2012). Parenthood and happiness: A review of folk theories versus empirical evidence. *Social Indicators Research*, 108, 29-64.
13. Heatherton, T. F., & Wagner, D. D. (2011). Cognitive neuroscience of self-regulation failure. *Trends in Cognitive Sciences*, 15, 132-139.
14. Hubert, S., & Aujoulat, I. (2018). Parental burnout: When exhausted mothers open up. *Frontiers in Psychology*, 9, 1021.
15. Kawamoto, T. K., Furutani, K., & Alimardani, M. (2018). Preliminary validation of Japanese version of the Parental Burnout Inventory and its relationship with perfectionism. *Frontiers in Psychology*, 9, 970.
16. Hobfoll, S. E. (1989). Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress. *American Psychologist*, 44, 513-524.
17. Hunter, J.E., Schmidt, F.L. (2004). Technical questions in meta-analysis of correlations. In F.L Schmidt & J.E. Hunter. *Methods of Meta-Analysis: Correcting Error and Bias in Research Findings* (pp 213-242). Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
18. Kahneman, D., Krueger, A. B., Schkade, D. A., Schwarz, N., & Stone, A. A. (2004). A survey method for characterizing daily life experience: The day reconstruction method. *Science*, 306, 1776-1780.
19. Krabbe, D., Ellbin, S., Nilsson, M., Jonsdottir, I. H., & Samuelsson, H. (2017). Executive function and attention in patients with stress-related exhaustion: Perceived fatigue and effect of distraction. *Stress*, 20, 333-340.
20. Lebert, A., Dorard, G., Boujut, E., & Wendland, J. (2018). Maternal burnout syndrome: Contextual and psychological associated factors. *Frontiers in Psychology*, 9, 885.
21. Le Vigouroux, S., Scola, C., Raes, M. E., Mikolajczak, M., & Roskam, I. (2017). The big five personality traits and parental burnout: Protective and risk factors. *Personality and Individual Differences*, 119, 216-219.
22. Lindahl Norberg, A. (2007). Burnout in mothers and fathers of children surviving brain tumour. *Journal of Clinical Psychology in Medical Settings*, 14, 130-137.
23. Lindström, C., Åman, J., & Lindahl Norberg, A. (2010). Increased prevalence of burnoutsymptoms in parents of chronically ill children. *Acta Paediatrica*, 99, 427-432.
24. Mehouden, F. & Piraux, V. (2018). Un trouble qui touche tous les profils sociodémographiques. In I. Roskam & M. Mikolajczak. *Le Burnout Parental :Comprendre, diagnostiquer et prendre en charge* (pp 141-158). Bruxelles : De Boeck Supérieur.

25. Mikolajczak, M., Brianda, M. E., Avalosse, H., & Roskam, I. (2018). Consequences of parental burnout: Its

specific effect on child neglect and violence. *Child Abuse & Neglect*, 80, 134-145.

26. Mikolajczak, M., Raes, M. E., Avalosse, H., & Roskam, I. (2018). Exhausted parents: Sociodemographic, child-related, parent-related, parenting and family-functioning correlates of parental burnout. *Journal of Child and Family Studies*, 27, 602-614.

27. Mikolajczak, M., & Roskam, I. (2018). A theoretical and clinical framework for parental burnout: The Balance between Risks and Resources. *Frontiers in Psychology*, 9, 886.

28. Moons, W. G., Eisenberger, N. I., & Taylor, S. E. (2010). Anger and fear responses to stress have different biological profiles. *Brain, Behavior, and Immunity*, 24, 215-219.

29. Nelson, S. K., Kushlev, K., English, T., Dunn, E. W., & Lyubomirsky, S. (2013). In defense of parenthood: Children are associated with more joy than misery. *Psychological Science*, 24, 3-10.

30. Nomaguchi, K. M., & Milkie, M. A. (2003). Costs and rewards of children: The effects of becoming a parent on adults' lives. *Journal of Marriage and Family*, 65, 356-374. Norman, R. E., Byambaa, M., De, R., Butchart, A., Scott, J., & Vos, T. (2012). The long-term health consequences of child physical abuse, emotional abuse, and neglect: A systematic review and meta-analysis. *PLoS Medicine*, 9, e1001349.

31. Reynolds, W. M. (1982). Development of reliable and valid short forms of the Marlowe Crowne Social Desirability Scale. *Journal of Clinical Psychology*, 38, 119-125.

32. Roskam, I., Raes, M. E., & Mikolajczak, M. (2017). Exhausted parents: Development and preliminary validation of the Parental Burnout Inventory. *Frontiers in Psychology*, 8, 163.

33. Roskam, I., Brianda, M. E., & Mikolajczak, M. (2018). A step forward in the conceptualization and measurement of parental burnout: The Parental Burnout Assessment (PBA). *Frontiers in Psychology*, 9.

34. Séjourné, N., Sanchez-Rodriguez, R., Leboullenger, A., & Callahan, S. (2018). Maternal burn-out: An exploratory study. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 36, 276-288.

35. Shirom, A., Melamed, S., Toker, S., Berliner, S., & Shapira, I. (2005). Burnout and health review: Current knowledge and future research directions. *International Review of Industrial and Organizational Psychology*, 20, 269-308.

36. Stith, S. M., Liu, T., Davies, L. C., Boykin, E. L., Alder, M. C., Harris, J. M., Dees, J. E. (2009). Risk factors in child maltreatment: A meta-analytic review of the literature. *Aggression and Violent Behavior*, 14, 13-29.

37. Taris, T. W. (2006). Is there a relationship between burnout and objective performance? A critical review of 16 studies. *Work & Stress*, 20, 316-334.

38. Van Bakel, H. J., Van Engen, M. L., & Peters, P. (2018). Validity of the Parental Burnout Inventory among Dutch employees. *Frontiers in Psychology*, 9.

39. Wilkinson, H., Whittington, R., Perry, L., & Eames, C. (2017). Examining the relationship between burnout and empathy in healthcare professionals: A systematic review. *Burnout Research*, 6, 18-29

Таблица 1. Средние значения, стандартные отклонения и надежность (альфа Кронбаха) исследуемых последствий

	Волна 1			Волна 2			Волна 3		
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>α</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>α</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>α</i>
Исследование 1									
Родительское выгорание	33.58	22.26	.94	32.94	22.34	.94	31.63	22.23	.95
Эскапизм	9.72	4.34	.82	8.47	4.17	.84	8.50	3.88	.84
Родительское пренебрежение	1.63	.51	.79	1.60	.52	.81	1.64	.57	.83
Родительское насилие	1.50	.44	.78	1.49	.44	.79	1.50	.45	.80
Исследование 2									
Родительское выгорание	29.43	21.78	.93	27.15	19.80	.92	29.96	20.44	.93
Эскапизм	1.55	1.09	.82	1.56	1.02	.79	1.54	1.09	.85
Родительское пренебрежение	1.43	.98	.82	1.28	.64	.70	1.30	.77	.83
Родительское насилие	1.46	.88	.74	1.34	.62	.61	1.32	.67	.68

Таблица 2. Двумерные корреляции между родительским выгоранием и его последствиями во времени

Родительское выгорание с..	Study	1 волна	2 волна	3 волна	Aggregated effect size ^a
Эскапизм	Study 1	.54***	.55***	.55***	.55
	Study 2	.57***	.48***	.51***	
Родительское пренебрежение	Study 1	.57***	.58***	.63***	.53
	Study 2	.53***	.49***	.49***	
Родительское насилие	Study 1	.56***	.57***	.60***	.53
	Study 2	.55***	.42***	.44***	